

возможность представлять результаты, которые соотносятся с авторским замыслом, идейными основами христианского учения, этикой и философией христианства, его аксиологической направленностью. Как один из эффективных подходов при теолингвистическом анализе текстов выделяется интертекстуальный, поскольку интертекстуальность религиозных произведений обладает своей спецификой (прежде всего генетической соотнесенностью с ветхозаветными, новозаветными и святоотеческими текстами), которая позволяет работать с духовными смыслами, интенциональной базой, аргументацией, элокуцией исследуемого материала. Обращается внимание на эффективность применения лингвоидеологического анализа, направленного на выявление слов и сверхсловных единиц, репрезентирующих главенствующие идеи изучаемых произведений (с рассмотрением религиозного содержания и аксиологического значения идей), формирование идейного тезауруса, обозначение особенностей мировоззрения авторов. В представляемом исследовании утверждается, что в работе по изучению религиозно-христианских текстов во главу угла должно ставиться рассмотрение взаимодействия языка и религии.

Соболева Л. С.
Екатеринбург, Россия

СИНТЕЗ ИСПОВЕДАЛЬНОСТИ И ПРОПОВЕДНИЧЕСТВА В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ XVII В.*

Проповедь в ее историческом своеобразии изучена недостаточно подробно, многие особенности поэтики, способствующие достижению коммуникации с паствой, остаются за пределами внимания. Особенно это касается исторического прошлого жанра: тексты ряда памятников дошли до нас в рукописном виде, и все еще ждут своего исследователя. Востребованность проповеди

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «"Культура Духа" vs "Культура Разума": Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)»).

в христианской жизни трудно переоценить, но также этот вид словесного творчества обладал особым свойством, подталкивающим к поиску выразительных образных и стилистических средства воздействия на ум и чувства слушателей. В триаде Бог – священник – паства, главной задачей которой было организация форм общения, чему, собственно и отвечало понятие религии, ведущими состоявшимися модусами словесности стали молитва – покаяние – проповедь. В них различным образом воплощались субъективное чувство, связанное с личным переживанием преодоления греховности и обращение к общественным переживаниям. Объединяло жанры – вхождение в пространство христианского мира, включение в архитектуру произведений пересекающихся христианских постулатов. Различались степенью субъективности и направленности словесной риторики. Молитва предполагала выражение внутреннего состояния, сердечного обращения к Богу, в этом она сопрягалась с покаянием, которому свойственны рефлексия, анализ событий и ошибок, вера в прощение. Вектор проповеди был направлен от пастыря к пастве и имел целью формировать тип поведения в разных сферах жизнедеятельности. Образы христианского мифа, символическое прочтение подвигов и событий Священной истории должны были держать в напряжении человека, приводя его к «трезвению» души и придавая бытовой жизни спасительный смысл и представляя душу как поле сражения Добра и Зла. Обращаясь к человеку, эти жанры вызвали в нем чувство ответственности за жизненные итоги, внушали веру в возможность преодоления искушений плоти. Антропологичность задачи давала перспективу для описания психологического состояния души в ее многогранном проявлении. Эта задача будет решаться в светской литературе, но истоки окажутся прочувствованными в перечисленных жанрах. Желание ярко воплотить в проповедническом слове личное переживание, сделав его публичным, предстает в рукописном сборнике конца XVII в. «Статир», созданном в Строгановской вотчине – Орле-городке (РГБ, собр. Румянцева № 411). Уникальность проповедей анонимного автора предстает перед читателем в неповторимом соединении личного чувства, связанного с глубоким эмоциональным раскрытием горестных от нарастаю-

щей греховности мира радостно-оптимистичных от уверенности в возможности спасения мира и человека, прописанных автором в каждой проповеди. Автор рисует сопереживания пастыря, но не в рамках жанрового канона, а выплескивая на слушателя покаянные мысли и гневные обличения с использованием всего многообразия высокой риторики, бытовых деталей и лексики. Пастырь обращается к пастве лично от своего имени, сопрягает Поучение с фактами биографии и глубоко индивидуальных размышлений, наполняет текст эмоциональными восклицаниями, и приемами, провоцирующими коммуникативную активность. Он ждет от слушателей не только согласия, но и сопротивления, готов разделить с ними наказание за греховные мысли, но при этом оставляет покаяние за собой. Постоянно обращаясь к приемам антиезы и антиномии автор драматизирует текст, вызывая крайнюю степень чувственного переживания. В Поучении, связанном с праздником Похвалы Богородице (Слово 26) он пишет:

«С ними же и азъ, недостойный, калный и смрадный ч(е)л(о)в(ѣ)къ, аще и невѣжа сый, и поселянинъ грубый, но не стыжуся спрятания ума моего, и не срамляюся отверсти безгласная уста моя, и сквернаго языка двизати, иже скудостию крыють от мене изреци тайну, яже от вѣка прознаменуеть о Твоей славы и величествѣ, Прес(вя)тая Д(е)во» (л. 129 об.).

В Слове 43, обращаясь к слушателям, восклицает: *Прочее же, что аз окаянный, суетный и малый червь возгл(ас)ю: «Или кто ми дастъ источникъ слезъ: да непостоянное и краткое житие се от плачу бѣдствуемъ и кланемъ, аки посредѣ моря свирѣпыми волнами поражаемъ. А малыми красотами міра сего усладихся, всями зрятся видима преходима, а но сам ся обращаю в мегновении ока преносима».* *«Молю, Вы, возлюбленный мой, и колѣнъ вашихъ касаюся: вомните прилѣжно поглашающе, страшна бо воистинну притча сия и гадания... Яще благоволите любезно внимати: мы же недостойнии невѣжды, не утрудимся к Вашему желанию от писаний с(вя)тыхъ сказати поелику намъ благодать Б(о)жия дарова сия познати»* (л. 180 об.).

Таких высказываний великое множество, Автор превращает проповеди в глубоко личное раскрытие своих размышлений

и демонстрирует, подобно будущей лирической поэзии, *образ переживаний*. Конечно, перед читателем высочайшие чувства, связанные с любовью к Богу, но и земная жизнь с ее драматическими перипетиями становится толчком к воплощению субъектного пространства души. Традиционное представление о заимствовании лирического типа произведений из литературы европейской традиции должно быть откорректировано признанием накопленного поэтического образно-стилистического «багажа» церковного красноречия, открывшего степень воздействия эмоционального мира проповедника, вылившегося в публичное пространство.

Sobczykowa J.
Katowice, Polska

JĘZYK SAKRALNY WOBEC (POLSKIEGO) JĘZYKA NARODOWEGO

Zastrzeżenie: terminy *sakralny* / *religijny* są różnie rozumiane. Pamiętając o napięciu między potrzebą ze strony wiernych zrozumienia tekstów, a pragnieniem przeżycia Bożej tajemniczej inności, oferowanej przez klasyczny, „Boży” język, rozpatruję funkcjonowanie języka sakralnego w polskim obszarze kulturowym w historii i współcześnie (na tle sytuacji w innych obszarach kultury, takich jak semicki czy słowiański). Biorę pod uwagę Biblię, kult i nauczanie; postulaty Kościoła i oczekiwania wiernych. Badam status łaciny (*lingua ecclesiastica* wobec *lingua vulgaris*), archaizmów. Analizuję wybrane przykłady wypowiedzi XVI-wiecznych znawców języka, translacji - dawne i współczesne, język modlitw ustalonych dawnych i nowych, także tendencje zmian w polskim języku religijnym (sakralnym).

Obserwuję związek sakralnego ze „świeckim”, widoczny w każdej z tzw. odmian języka polskiego, np. w polskim dyskursie potocznym czy patriotycznym, a nawet naukowym.